

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В этой статье автор ставил цель прояснить, насколько и как именно развитие производительных сил, науки и информатики в современном мире влияет на государственный и национальный суверенитет, национализм, на процессы региональной и мировой интеграции, а также в каком соотношении находятся между собой суверенитет государств и правонаций на самоопределение, с одной стороны, и усиливающаяся тяга обществ к сближению – с другой¹.

Прежде чем приступить к теме, придется сделать несколько оговорок. Затронутые проблемы вынуждали меня говорить о более или менее близком будущем. Однако при ответственном отношении ученого к своим заявлениям прогнозы – дело крайне неблагодарное. Ведь они всегда носят вероятностный характер и, следовательно, таят в себе очень большую возможность ошибок. Но рассуждать о начавшихся процессах, не заглядывая хоть немного в завтра, значит сознательно искажать представления об их смысле, роли и перспективе. Поэтому, на мой взгляд, при данной теме лучше ошибиться в прогнозах, чем отказаться от них вовсе.

Говоря о будущем, я подразумеваю более или менее оптимистический вариант развития человечества, так как есть многое, что дает основание надеяться войти в завтра без серьезных или, но крайней мере, непоправимых катастроф. Но, конечно, всегда возможны и иные варианты: разрушительный прогресс, стагнация, регресс, катастрофа. Ведь многое спо-

¹ Данная работа развивает некоторые из идей, которые были высказаны автором в печатающейся здесь же книге. Поэтому в ряде случаев я буду отсылать читателя к соответствующим ее местам (см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. Все номера).

собно и помешать нормальному развитию мира². Поэтому хотелось бы, чтобы читатель имел в виду: если автор не говорит о негативных альтернативах предполагаемым им в будущем **вариантам**, то не потому, что считает их исключенными, а потому, что это не входило в его задачу.

Другой момент, на котором надо акцентировать внимание в самом начале, чтобы постоянно не оговариваться, - морально-этические оценки совершающихся и будущих процессов. Признание за ними права перспективы, описание их как прогрессивных ни в коем случае не предполагает однозначной положительности всех сторон, каждого их аспекта. Напротив, прогресс всегда означает, что определенная часть изменений ухудшает ситуацию по сравнению с тем, что было раньше³. Отсюда понятная и во многом правомерная ностальгия по прошлому. Значит, неверно, подобно Р. Дж. Коллингвуду, полагать, что прогрессом можно считать только изменения, во всех смыслах превосходящие прошлое. Нет, прогресс всегда идет рука об руку с регрессом, вопрос в общем балансе плюсов и минусов, а также в том, можно ли что-то хорошее из прошлого каким-то образом сохранить или приспособить. Ведь если знать, какова плата за развитие, можно уменьшить неизбежное зло потерь.

Сказанное полностью относится и к проблеме сокращения суверенитета. Это не односторонний и однозначный, а многогранный процесс: в главном суверенитет будет сокращаться, но в чем-то закрепляться и даже расти.

Для объяснения новых или только предполагаемых в будущем явлений я нередко прибегаю к историческим аналогиям. Это весьма удобный прием, когда автор хочет прояснить смысл незнакомого на уже известных вещах.

Но, конечно, хотя аналогии иногда очень наглядны, я не рассматриваю их как бесспорные доказательства.

Сначала посмотрим на отдельные характеристики и особенности современных производительных сил, но не вообще,

²См. об этом, например: Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе. М. 1986. С. 181.

³Подробнее о соотношении прогресса и регресса см.: Гринин Л. Е. Ук. соч. 1997. № 2. С. 68-69.

а именно в рассматриваемом нами аспекте⁴. Несомненно, что во второй половине XX века **понятие производительных сил очень сильно расширилось, так как границы их стали весьма неопределенными. Они, по сути, пронизывают все сферы и оказывают очень сильное влияние на все.** Кроме того, в этих силах существенно трансформируются содержание и функции их составных элементов, а также соотношение между ними. Особенно важно отметить изменение роли людей, которые постепенно становятся центром производительных сил (из их придатка или контролера). Образно говоря, современный человек приобретает функции мини-станции, принимающей и передающей разнообразную информацию, часто при этом минуя национальные границы.

Однако при признании того, что мы переживаем одну из величайших производственных революций, господствуют еще старые представления о структуре производительных сил, роли и тенденциях их развития, но главное, об их влиянии на другие области жизни. Очень часто думают, что это влияние будет проявляться только в привычных направлениях, между тем как оно способно изменить, а то и взорвать самые, на первый взгляд, далекие от производства вещи. И это напрямую касается проблем трансформации национального суверенитета.

Возьмем очевидные и даже не самые важные в системном плане примеры. Так, быстрота передачи информации позволяет перескакивать через границы, получать представление о многомерности мира, позициях его участников и прочее. А для политического процесса трудно переоценить возможности быстрого и прямого общения государственных лидеров. И усиливающиеся плотность и экспрессивность контактов политической элиты существенно меняют ее характеристики. Или другой пример: разнообразие средств информации дает эффект присутствия человека на месте событий, позволяет как бы соучаствовать в мировых процессах, что постепенно формирует в массовом сознании представление о единстве человечества, чувство сопричастности к бедам и проблемам

⁴ Общую их характеристику см.: Там же. 1997. № 3. С. 57-92; а также: Гринин Л. Е. Философии, социология и теория истории. Волгоград. 1998. С. 127-150, 310-314.

людей любой, самой далекой и малоизвестной страны. И подобные новации, накапливаясь, создают как бы новые поля напряжений, влияющие на перемены во всех областях жизни.

Я не ставлю здесь целью четко классифицировать изменения в производительных силах на те, что развивают тенденции прежних периодов, и совершенно новые. Где-то новизна заключается в необычных технических и иных решениях, а где-то в таком росте масштаба применения, который вызывает переход количества в качество⁵. Так, электрическая связь (телеграф, телефон) и радио имеют уже солидный возраст. Но ясно, что по скорости, масштабу, доступности, насыщенности и т. п. современные средства связи опережают прежние на несколько порядков. Аналогичная ситуация и в военной сфере: наряду со все большим совершенствованием старых видов оружия и ставших уже привычными более новых каждое десятилетие появляются и принципиально новые. Кроме того, изменяется не только военная техника, но сам характер войны и объекты военной деятельности.

Итак, бурно развиваются старые тенденции: растут при уменьшении препятствий для них торговля, специализация, кооперация, туризм и самые разнообразные контакты. Появляются все более разнообразные и неожиданные машины и механизмы. Транспорт становится все мощнее и быстрее. Но еще быстрее разворачиваются новые тенденции. Так, всего за несколько десятилетий информатика превратилась в сверхмощную индустрию.

Сейчас особенно важным будет подчеркнуть **наднациональный** характер ряда новых областей производства. Этому способствуют: 1) быстрота распространения информации и возможность прямого общения людей, находящихся в любых местах планеты, причем в таком диалоге могут одновременно участвовать много собеседников; 2) техническая свобода выхода в широкий эфир; 3) многократный рост аудитории; 4) разнообразие средств информации; 5) доступность инфор-

⁵ Например, Коэн выделял два коренных отличия технического развития современности от прошлого, связанных именно с масштабами явлений: огромный количественный рост и всемирный характер технических (и ими порожденных социальных) проблем (Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. М., С. 216).

мации и все большая ее полнота по разным вопросам в масштабах мира или его ведущей части (например международные каталоги открытий и изобретений); 6) доступность компьютерной технологии и копировальных машин; 7) и многое другое, что делает национальные границы перед современными производительными силами гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом.

Таким образом, **производительные силы давно уже перешагнули национальный объем и границы и становятся все более интернациональными. Мало того, наиболее быстро растущие области производства как раз по природе своей наднациональны или планетарны.** Например космос. Аналогично обстоит дело и с Интернетом, тем более что это киберпространство все более активно используется в коммерческих целях.

Применяя аналогию, можно сказать: подобно тому как в позднефеодальную эпоху индустриальное производство первоначально формировалось в новых отраслях, не связанных цехами, неподвластных государственной или иной регламентации, так и теперь самые перспективные области экономики гораздо меньше, чем старые, связаны с национальной системой хозяйства.

Дальнейшее развитие производительных сил (с учетом перспектив космической индустрии, новых компьютерных технологий и использования Мирового океана) обещает новые гигантские изменения, которые лишь усилят воздействие в указанном выше направлении⁶.

В аспекте нашей темы скажем немного и о науке. Сегодня еще более верна мысль Энгельса о том, что ее развитие «пошло гигантскими шагами, ускоряясь, так сказать, пропорционально квадрату удаления во времени от своего исходного пункта»⁷. Общим местом стало и утверждение о том, что она превратилась в непосредственную производительную силу. Однако развитие науки в современном мире во многом

⁶ Встречаются даже радикальные заявления, что старая экономика должна умереть, чтобы родилась новая (Dent H. S. The Roaring 2000s: Building the Wealth and Lifestyle. You Desire in the Greatest Boom in History. N. Y. 1998. P. 51).

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 509.

идет уже под влиянием ее внутренних процессов⁸, что существенно изменяет ее характер и цели. «В этом отчуждении науки от человека - исток современного кризиса научного разума и рациональности вообще»⁹.

Наука в новое время зарождалась и развивалась как интернациональное явление. И эта интернациональность с каждым веком только усиливалась, что способствовало укреплению единого культурного европейского пространства. Но в последние шесть-семь десятилетий начался (и еще не кончился) период, когда науку поставили на службу национализму. Норберт Винер говорил о нем как об эпохе умственного феодализма. Это превратило ряд областей науки в орудие идеологии, политики и подготовки к войне.

Поэтому отмечаемый частью ученых кризис науки, выражающийся в уменьшении ее гуманизма и прямой или потенциальной опасности многих исследований, превращении ученых в своего рода касту, «неспособности научной и технической элиты преодолеть свою национальную ограниченность», «фетишизме науки»¹⁰, все большей ее коммерциализации и т. д., во многом связан с общим противоречием между движением к интеграции и ограниченностью национальных интересов¹¹.

В самом деле, универсальный характер многих областей науки, то есть понятность ее для специалистов любой страны и пригодность использования ее выводов везде, способствует очень быстрому распространению научных достижений, равно как и технических новинок. Но параметры развития задаются в более узких рамках, поскольку формы финансирования, а следовательно, постановки целей, контроля и прочее национальны. И это усиливает указанное выше противоречие.

⁸ «Наука - это такое мощное автономное образование в современном мире, которое развивается по своим внутренним законам и способно подчинить себе не только экономику, но и все другие сферы общественной жизни» (Солоненко А. Г. Кризис науки и современной гуманистической цивилизации // Первый российский философский конгресс. С.-Пб., 1997. Т. V. С. 172).

⁹ Черткова Е. Л. Кризис науки как кризис гуманизма // Первый российский философский конгресс. Т. V. С. 188.

¹⁰ См. также: Гринин Л. Е. Ук. соч. 1998. № 5. С. 40-41.

¹¹ Козн Р. Ук. соч. С. 217.

Например, Э. Тоффлер считал, что «широкое внедрение генной инженерии в Америке будет происходить в основном так же, как происходило внедрение сборочных линий, автомобилей, вакцин, компьютеров и прочих технических новшеств. Как только практическое применение того или иного достижения в генной инженерии будет становиться коммерчески выгодным, так сразу же начнет эксплуатироваться новая генетическая потребность и будет создан рынок для новой техники»¹². Но чем заметнее успехи генной инженерии, тем больше требуется наднациональный контроль за их применением (равно как и за другими исследованиями), тем более что во многих случаях отсутствует и национальный контроль.

Сегодня, на мой взгляд, наиболее важным аспектом указанного противоречия является то, что в большинстве областей нет координации, между странами по поводу регулирования исследований. Между тем какие-то формы международного контроля здесь совершенно необходимы, так как сегодня некоторые открытия оказывают или могут оказать исключительное, непредсказуемое, а следовательно, возможно, очень опасное влияние на весь мир. При этом никто не несет ответственности¹³.

Теперь мы рассмотрим некоторые направления **интернационализации** производительных сил, то есть их выход все дальше и сильнее за национальные рамки и усиление ориентации за их пределы. Этот процесс начался как составная часть перехода от средневекового натурального хозяйства к формированию национальных экономических систем. Последние же не могут быть самодостаточными, поэтому внешняя торговля всегда играет в них значительную роль.

В принципе всю историю можно представить как процесс сближения человечества. И среди факторов, которые спо-

¹² Тоффлер Э. Третья волна (реферативное изложение) // США: экономика, политика, идеология. 1982. № 7. С. 93.

¹³ Д. Белл задает вопрос, на который желал бы получить утвердительный ответ: если удастся установить какие-то очертания предела развития экономики и технологии, удастся ли также очертить предел исследований в таких культурных разработках, результаты которых ведут к переходу моральных норм и восприимчивости демонического, так как сегодня господствует убеждение, что все исследования есть «творчество»? (Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1978. P. XXIX).

способствуют этому, производство и торговля всегда были важнейшими. Но со времени Великих географических открытий, с освоением океанов (этих объединителей стран и континентов), а затем появлением новых видов транспорта и связи процесс интернационализации пошел очень быстро и все ускорялся.

В XX веке в него включилось большинство стран мира. В конечном счете он перешел на новый этап, который можно назвать **наднациональным**, поскольку экономика все сильнее опирается уже не на национальные единицы, а на наднациональные экономические объединения с проникновением во все мировое пространство, а также на сферы деятельности, по своей сущности наднациональные или общечеловеческие, о чем уже шла речь. Процесс наднационализации находится еще в начальных стадиях, его можно рассматривать как высшую фазу процесса интернационализации. Но, скорее всего, это начало вовсе новой ступени развития мировой экономики, в которой основной единицей будет уже не национальное, а наднациональное (экономического союза) хозяйство.

Среди многих факторов, способствующих новому процессу, почетное место занимают транснациональные корпорации (ТНК). В последние десятилетия роль даже крупных национальных корпораций существенно изменилась. У Тоффлера есть интересная мысль о том, что корпорации толкают на путь превращения в многоцелевой институт и они все больше вовлекаются в политику, а всякое важное решение, принимаемое корпорацией, оказывает по крайней мере косвенный политический эффект¹⁴. Это совпадает и с мыслью Гая Бенвенисте, что эффективное планирование является всегда и политической деятельностью¹⁵.

Транснациональные же корпорации становятся теми каналами, через которые проходят новые линии связи стран, институтов, фирм и прочее, переливаются новая технология, товары, услуги, взгляды и т. п. Это несколько напоминает роль гигантских торговых монополий XVI XVIII веков,

¹⁴ Тоффлер Э. Ук. соч. № 10. С. 107108.

¹⁵ Бенвенисте Г. Овладение политикой планирования. М., 1994. С. 17 и другие.

взламывающих государственные границы и устанавливающих новые связи между Европой и миром. Сегодня трудно представить планету без ТНК. Один экономист дает удачный образ: «Экономика стала многоярусной. На верхнем ярусе располагаются гигантские транснациональные корпорации (ТНК) и финансовые группы – объекты первого ранга, определяющие глобальную экономическую структуру мира». Затем идут крупные национальные корпорации, затем средние и мелкие¹⁶.

Но их роль в плане связывания мира оказалась понятной далеко не сразу. Казалось (и не без оснований), что они пытаются урезать суверенитет принимающих стран из чисто эгоистических интересов¹⁷. Борьба национальных правительств и ТНК в ряде случаев носила очень острый характер (с одной стороны, национализации и экспроприации, с другой – подкуп, игнорирование национальных проблем вплоть до военных переворотов). С обеих сторон противостояние оправдывалось идеологически: правом государства или волей народа; приматом технического прогресса и святостью частной собственности.

Но достаточно скоро природа такого влияния на мировые отношения стала более ясна. Барнет и Мюллер справедливо считали, что транснациональные корпорации порождены «планетарной трансформацией» и одновременно способствуют ее развитию. Оправдывая деятельность ТНК, они даже требовали для них слишком многого. «Менеджеры глобальных корпораций стараются внедрить в практику теорию организации людей, которая должна коренным образом изменить систему национального государства и которая лежала в основе развития общества более 400 лет. В своей сути их требование сводится к получению *права переступить через национальное государство и в ходе этого процесса трансформировать его*», – писали они в 1974 году¹⁸.

Подобно организациям прежнего времени, которые, имея

¹⁶ Волконский В. А. Изменения в мире за столетие и парадигмы экономической науки // Экономическая теория на пороге XXI века-2. М., 1998. С. 215.

¹⁷ В 1971 году вышла книга Р. Вернона с очень показательным названием «Суверенитет под угрозой».

¹⁸ Цит.: Миронов А. А. Концепции развития транснациональных корпораций. М., 1981. С. 153. (Выделено мной. Л. Г.).

перед собой конкретные цели (разного свойства, от чисто эгоистических до самых возвышенных) и добиваясь их, оказывались орудиями прогресса, ТНК, преследуя свои интересы, стали одной из важнейших сил изменения представлений о суверенитете. И подобно прежним силам, они сразу несли и плохое и хорошее, каковым и бывает прогресс, являющийся побочным результатом.

В настоящее время взаимоотношения государств и корпораций стали более совместимыми, ибо в отличие от многих других исторических агентов ТНК оказались достаточно гибкими и умерили свои амбиции так, что сегодня уже гораздо меньше опасения за суверенитет. В свою очередь и страны научились лучше контролировать их.

Одна из особенностей современных производительных сил, тесная связь национальных экономик между собой, ведет к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в самых разных местах планеты. И эта уже не новая тенденция теперь становится все ощутимее. «Возможность практически мгновенно концентрировать огромные массы финансовых ресурсов и переориентировать деятельность множества людей и организаций в решающей степени меняет характер исторических процессов и, в частности, становится важнейшим источником неопределенности и непредсказуемости»¹⁹. Это подтвердили кризисы в разных странах последнего времени, когда международный горячий капитал вызывал их в считанные часы. Одна из главных причин коренится в том, что политические институты отстают от развития экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования²⁰. Но несомненно, что какие-то формы совместного контроля над источниками неустойчивости финансовых и иных рынков государства будут искать.

Я не останавливаюсь сколько-нибудь подробно на сущности глобальных проблем человечества, так как эта тема

¹⁹ Волконский В. А. Ук. соч. С. 217.

²⁰ «Что касается материального развития, новый международный экономический порядок предполагает переход от национального планирования на уровень планирования наднационального» (Ван дер Вее Г. История мировой экономики 1945-1990. М., 1994. С. 374).

многократно и по-разному исследована. Но нельзя не отметить, что в них, как ни в каких других, видны коллизии между национальными интересами и мировыми тенденциями. Особенно это касается некоторых аспектов экологической проблемы: загрязнения мирового океана, изменения в озоновом слое планеты, опасности глобального потепления и ряда других, которые либо вызваны производственной деятельностью, либо могут быть усугублены ею. Поэтому один из ведущих секторов экономики будущего, вероятно, будет связан с охраной, резервированием, регенерацией природы; возможно, даже заменой недостающих (или укреплением слабых) звеньев природных процессов, их регуляцией. Но такая экономика должна быть по определению наднациональной.

А сегодня природная составляющая нашего бытия превращается из константы, то есть неизменного и вечного, в постоянно изменяющееся в неясном направлении и – главное – непредсказуемое. Никто не может ответственно сказать, сколько и какой нагрузки способна выдержать природа без серьезных или непоправимых катаклизмов, а также каковы будут реакции человеческого организма и психики. Но мысль, что многие или даже основные экологические проблемы начала XXI века будут связаны с быстрым истощением ресурсов в наименее индустриализованных странах, кажется достаточно обоснованной²¹.

С одной стороны, в странах с замедленным развитием преобладают отсталые и экологически расточительные формы хозяйствования (вроде выжигания саванн, вырубки лесов, истощения почв и т. п.). Но население этих стран растет, следовательно, увеличивается и нагрузка на природу, что все больше влияет на ландшафты огромных территорий и в целом на мировой климат. Такая ситуация в принципе недопустима для интересов мирового сообщества. Но изменить ее можно, только взломав или сломав традиционные отношения. Сделать это способна лишь государственная власть. Но чаще всего она либо не желает этого (по эгоистическим причинам, из-за ограниченности элиты и т. п.), либо не в состоянии

²¹ См.: Антипова О. Н., Иноземцев В. Л. Постэкономическая революция и глобальные проблемы // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 168 и др.

противодействовать трайбалистским, общинным, клерикальным и иным интересам. Следовательно, если не ждать столетий, пока эти страша дозреют сами, мировое сообщество должно воздействовать на их правительства, тем самым ограничив их суверенитет прямо (заставив признать какие-то соглашения) или косвенно (изменив цели и средства их политики).

С другой стороны, те государства, которые пытаются вырваться из отсталости, порой не имеют других ресурсов, кроме природных. И чем быстрее они пытаются выйти вперед, тем сильнее могут истощать их. Но массовое сведение лесов, уничтожение ценных животных, загрязнение рек или морей никак не может быть только внутренним делом, а должно быть поставлено под международный контроль.

Решить самостоятельно эти и другие проблемы развивающиеся страны в большинстве случаев не смогут, значит, необходима помощь им. Но дело не просто в деньгах. С учетом их всеобъемлющей отсталости нужны международные контролирующие и направляющие развитие органы, а в целом ограничение их суверенитета во многих отношениях. Ведь найти путь к постепенной региональной и общемировой выработке правил природопользования немыслимо без того, чтобы международное право не возоблудало над национальным.

Все глобальные проблемы связаны между собой, а такие, как демографическая и экологическая, во многом - две стороны одной медали. И, следовательно, регулирование численности населения также все более становится не только национальным, но и общим делом. Это станет особенно актуальным, если в каких-то квотах начнут учитывать численность населения.

А квоты, по-видимому, будут очень важным инструментом регулирования. Ведь чтобы решить многие глобальные проблемы, необходимо осознать, что развитие не может идти все время вширь, что требуется сознательное ограничение в потреблении, а также механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (limit). Пределы роста, расхищения окружающей среды, предел вооружения,

предел вмешательства в живую природу и т. д.²²

Можно еще очень много говорить о новых тенденциях, но и сказанного достаточно, чтобы сделать важный вывод: **изменение производительных сил так или иначе ведет к изменению всех остальных областей жизни, включая и политическую сферу**²³. Следовательно, развитие производительных сил становится одной из **важнейших причин изменения характера власти и суверенитета**²⁴. Такая причинная связь, однако, далеко не всегда заметна, тем более сразу, и часто затемняется иными влияниями. К тому же между переменами в производстве и трансформацией в других подсистемах общества существует значительный временной разрыв. Естественно, что обычно изменения в производительных силах имеют иные, чем политические, задачи. Но вызванные первоначально одними причинами, они затем могут привести к совершенно непредвиденным и непредсказуемым результатам.

Теперь посмотрим более пристально, как именно трансформируются объем суверенитета и представления о нем. Суверенитет в политической науке определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности, то есть верховенстве во внутренней политике и независимости во внешней²⁵.

Это понятие получило широкое распространение в XIX в. Но пришло оно из средних веков от идеи единовластия верховного феодального правителя (суверена). В начале нового времени оно получает уже научное толкование в трудах Н. Макиавелли (как всевластие абсолютной или самодержавной монархической воли), Ж. Бодена как «высшей, абсолютной и

²² Bell D. Op. cit. P. XXIX.

²³ См. об этом: Гринин Л. Е. Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса) // Вестник МГУ. Политические науки. 1999. № 1. С. 1728.

²⁴ «Технология обслуживает господствующую систему социальной власти, хотя, с другой стороны, она часто способствует переменам в организации и распределении этой власти» (Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1983. С. 249).

²⁵ См., например: Большой толковый социологический словарь: В 2 т. / Составители Д. Джери. Дж. Джери / Пер. с англ. М., 1999. Т. 2. С. 311: или: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 367.

постоянной власти над гражданами и подданными в политическом сообществе» и других. Позже широко распространилось понятие суверенитета нации (народа) и часто как синоним государственного суверенитета. Ныне эти понятия закреплены в Уставе ООН и в некоторых других международных соглашениях в виде положений о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение.

Безусловно, и раньше, и сейчас на практике суверенитет как государств, так и наций сильно ограничивался разными вещами²⁶. Но сегодня вмешиваются такие факторы, которые делают представление о полной свободе действий государств даже чисто теоретически неверным. Я не говорю уже о том, что в ряде случаев ему существенно мешает право наций на самоопределение. Главное в том, что **объем государственного суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей и еще больше фактически в связи с уже сложившимися традициями.** Очень важную роль в этом процессе сыграли мировые войны и период тоталитаризма, которые показали, что абсолютный суверенитет, право на развязывание войн, ведущих к мировым катаклизмам, право на репрессии по отношению к своим или интернированным жителям и т. п. неприемлемы.

В политической науке в определенной мере осознается, что «в современных условиях представляется все более необходимым комплексное переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» как в связи с возникновением мирового политического сообщества... так и в связи с уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии», а также формируется представление о суверенитете международного права над внутренним законодательством стран в вопросах прав человека²⁷.

Но, на мой взгляд, глубина изменений суверенитета, а

²⁶ «Хотя суверенитет государства... мыслится в теории неограниченным, на практике он имеет свои пределы, которые во внутренней жизни определяются притязаниями и возможностями других субъектов политики, а в международных делах - сложившейся конфигурацией международных отношений и соотношением сил участников этих отношений» (Политология. Энциклопедический словарь. С. 369).

²⁷ Там же. С. 368.

также и степень пересмотра самого этого понятия недопонимаются и недооцениваются. Да, государство (развитое и централизованное) было и в главном еще остается высшей единицей исторической и политической жизни. Однако сегодня появились новые и мощные факторы, которые в конечном счете ведут к тому, что оно перестает быть пределом выражаемой воли, уступая это предельное место более крупным образованиям. Ведь в последние несколько десятилетий все более важным становится процесс интеграции государств в надгосударственные объединения. При этом все яснее обнаруживается тенденция к ограничению и постепенному отказу от части национального суверенитета в пользу наднациональных и мировых сообществ, международных организаций и третейских судов. И поскольку эта тенденция в огромной степени обусловливается развитием современной экономики, постольку она будет нарастать.

Таким образом, **сегодня по сравнению с прошлым временем суверенитет совершенно свободных и самостоятельных стран стал намного меньше.** И, что очень важно, государства отдают часть функций своего суверенитета действительно добровольно (или полудобровольно, исходя из меньшего зла или большей выгоды), так как случаи военного давления или тотальных санкций редки. Но чем дальше идет такой процесс ограничения суверенитета, тем фактически он все более становится необратимым, а страны, которые не делают таких ограничений, становятся как бы уже неполноценными.

Случаи, когда внешние к государствам цели становились более важными, чем их собственные, в истории хорошо известны. Религиозные или идеологические лозунги могли на длительное время побудить страны воспринимать их как главные. Но раньше или позже национальные интересы начинали давать о себе знать. Так, например, произошло в социалистическом лагере. Сегодня движение к ограничению суверенитета все больше определяется развитием производства, большими экономическими выгодами или опасностью отстать.

Приняв во внимание неизбежный эгоизм стран, добровольность передачи суверенитета можно всерьез объяснить только могучим влиянием описанных (и многих неупомяну-

тых, но подразумеваемых) современных процессов. В ситуации же, когда ряд стран стремится отдать часть своего суверенитета (иногда на второй же день после того, как с муками добились его), чтобы занять места в крупных и ведущих блоках, можно усмотреть нечто подобное политическим интуиции и инстинкту, подсказывающим элитам и лидерам верное направление, даже если они и не могут это достаточно четко объяснить.

В свое время в связи с развитием демократии и изменениями в политической жизни теоретики государственного права стали говорить о том, что в западном обществе имеют место процессы «диффузии» и «дисперсии» власти и в результате – «расчленение суверенитета». Шло как бы делегирование ряда полномочий государства другим политическим организациям (особенно партиям) и негосударственным структурам. Сегодня по аналогии можно говорить о «расчленении суверенитета» на внутренний и внешний, но не в смысле внутренних и внешних отношений государства, а в смысле того, что происходит переход ряда очень важных полномочий непосредственно от государства к надгосударственным образованиям и организациям.

С послевоенного времени многие страны начинают добровольно ограничивать себя в, казалось бы, наиболее суверенных вещах. Достаточно бросить даже беглый взгляд на те области, в которых сократился суверенитет, чтобы согласиться со сказанным. Право устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры; запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров (капиталов) и какие-то виды деятельности; печатать деньги; устанавливать правила содержания заключенных и использования их труда; провозглашать те или иные политические свободы или ограничивать их; фундаментальные правила выборов и избирательных цензов, а также еще масса других важных вещей. Теперь на глазах у всего мира европейцы отказались от святыня святынь - собственных, многими веками выстраданных национальных валют ради одной общей (евро).

В конце концов, главное в суверенитете: право войны и мира - под международным контролем. И все это и многое другое, безусловно, означает, что **внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые ре-**

гулируются только национальным правом и условиями, сужаются, а международное или союзное (определенного сообщества) право расширяется.

Без сомнения, если покопаться в истории, то можно найти много случаев добровольных обязательств и договоров, которые значительно ограничивали свободу стран²⁸. Взять хотя бы Священный Союз или договор о запрете работорговли в Европе в первой половине XIX века. Военные блоки и союзы также не новость. Имели место и таможенные союзы (в Германии). И это не случайно, процессы интернационализации начались, как сказано, не сегодня, а идут уже века, все нарастая.

Но распространенность и мощность этих процессов вчера и сегодня несопоставимы. Во-первых, они охватили весь мир.

Во-вторых, экономические союзы прежде были редкостью, теперь стали наиболее типичной формой объединений. А некоторые экономические организации включают в себя большинство стран мира. При этом роль отдельных организаций исключительно заметна²⁹. Масштабы и цели военных и политических союзов также изменились.

В-третьих, ныне ведущие страны не могут позволить себе роскошь вести изоляционистскую политику или ставить своим лозунгом, как Англия: «У Британии нет постоянных союзников, а есть постоянные интересы». В-четвертых, плотность и постоянство контактов между лидерами несоизмеримы. И вопросы, которые они решают, значительно изменились. Можно говорить и о многих других отличиях.

Чтобы оттенить сказанное, стоит подчеркнуть, что, как ни странно это звучит, наибольший суверенитет имеют государства, идеологически и экономически закрытые, вроде Северной Кореи. Что же касается достаточно открытых и развитых стран, то тенденция к делегированию своих полномочий у них совершенно очевидна.

Описанная тенденция бесспорна. Но возникает очень

²⁸ Такие добровольные ограничения бывали не только в политической или военной сферах, но и в социальной, например, когда принималась какая-нибудь из мировых религий.

²⁹ Как бы ни критиковали, например, МВФ (и часто совершенно справедливо), но именно эта организация осуществляет то давление, ту политику кнута и пряника, без которой многие страны не совершили бы экономического рывок.

сложный теоретический вопрос о том, как же она совмещается с бурным ростом национализма и распадом из-за него, казалось бы, достаточно сложившихся и устойчивых государств? Я бы сказал, хотя выглядит это неожиданным, что **обе тенденции: и рост национализма, то есть дезинтеграция, и делегирование суверенитета, то есть интеграция, - во многом имеют в современных условиях общие причины (среди них развитие производства, науки и информатики) и во многом дополняют друг друга, а в чем-то выступают как разные стороны одной и той же медали, разные аспекты одних и тех же процессов**³⁰.

Но все же если сегодня идет процесс постепенного перехода мира к нового типа устойчивым наднациональным политическим (политико-экономическим) объединениям, то, казалось бы, это должно поставить заслон национальному сепаратизму. И это верно, но только в общем плане. В начальной же стадии, как это нередко бывает, интеграция в чем-то даже усиливает и поощряет национализм. Можно указать и на тот принципиальный момент, что любое созидание ведет к большим или меньшим разрушениям. Следовательно, формирование надгосударственных систем может быть связано с разрушением прежних крупных многонациональных государственных. И в известной мере такой распад выполняет объективно прогрессивную роль, в конечном счете способствуя уменьшению эгоизма как бы самодостаточных надэтнических образований, облегчая региональную и мировую интеграцию. Но это очень болезненный и разрушительный прогресс.

Большая устойчивость национальных государств и утверждение политического принципа национализма, «суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»³¹, постепенно - привели к тому, что наиболее типичным представляется именно **национальное (точнее мононациональное) государство**. Это была также одна из мощных причин усиления национальных движений. Но то, что последние возникли и в странах, которые, казалось бы, давно и прочно сформировались и в которых не

³⁰ Подробнее об этом см.: Гринин Л. Е. Ук. соч. 1998. № 5. С. 549.

³¹ Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 23.

идет и речи ни о каком национальном неравноправии, на мой взгляд, есть один из показателей того, что государство как главная единица и субъект исторического процесса начинает постепенно уступать место другим, более высоким.

Но если наднациональные сообщества становятся более привлекательными для некоторых, чем национальные, то в ряде случаев может временно усилиться и тенденция к расколу, казалось бы, спаянных наций. Многие народы входят в эти надгосударственные образования через соучастие в своем государстве. Но в некоторых случаях по разным причинам (среди которых не последнее место занимает честолюбие политиков и вождей) нетитульные народы или часть нации стремятся войти в такое (или мировое) сообщество прямо, непосредственно.

Таким образом, объяснение причин сепаратизма в развитых государствах **на первый взгляд может показаться парадоксальным: национализм усиливается потому, что ослабевают как системы государства.** Однако парадоксальности здесь нет. К тому же нации – это не вечные сущности, а более или менее сплоченные определенным сходством, условиями (и внешними рамками) общности. Причем при определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других, напротив, ослабевают.

Но обе мировые тенденции – интеграция и сепаратизм – не будут идти постоянно параллельно. Я думаю, что по мере нарастания интеграции сепаратизм будет ослабевать, так как он несет в себе слишком много проблем для региональных и мирового сообществ. Сказанное подтверждается хотя бы тем, что сильнее всего сокращается национализм наиболее передовых наций, по большей части уже переболевших им. И особенно это заметно в Европе. Недаром ведь в ЕС не принимают страны, у которых не решены территориальные или национальные проблемы.

Поэтому представление, что национализм будет нарастать и далее, неверно. По мере все более ясного движения к региональной и мировой интеграции накал национализма и сепаратизма станет остывать. Это можно сравнить с тем, как исторически прогрессивная роль революций со временем уменьшалась по мере того, как их результат мог быть воспроизведен эволюционно, без крутой ломки. В конце концов

стало ясно, что они крайне опасны, разрушительны и жестоки и должны быть заменены реформами. И в данном случае путь к интеграции не обязательно лежит через национальную вражду.

Есть смысл еще остановиться на некоторых особенностях современного национализма. Причины формирования наций и роста национализма в новое время достаточно выяснены. Многие авторы напрямую их связывают с развитием индустриализма и урбанизации, появлением печати, новых видов транспорта и связи, усилением централизации, возрастанием роли государства в обеспечении условий нормальной экономической жизни, ростом культуры и образования³².

Общие черты в национализме любого времени, конечно, есть. Но он всегда был многолик. Сегодня особенно. Поэтому в контексте нашей темы следует различать национализм стран и народов, стоящих все еще ниже уровня развития и самосознания развитого индустриализма (для Западной Европы это прошедший этап второй половины XIX – первой половины XX в.), принципиально сравнимый с ним, и национализм передовых европейских наций электронной эпохи. Кроме того, надо различать национализм крупных наций (вроде пакистанской, стремящейся к региональной гегемонии, или тем более таких, как американцы); средних (подобных чехам и венграм), наций малых, таких как чеченцы, албанцы, и совсем крошечных. Сепаратизм малых народов может быть успешным только в условиях международной безопасности и поддержки. Для прошлых периодов большую роль играл национализм крупных и средних наций, сегодня – малых. И надо сказать, что он очень беспокойный, шумный, крайне эгоистичный. Слепленные обидами, эти этносы ввергают в кризис целые континенты и даже весь мир.

Какие условия сегодня способствуют росту национализма? В отсталых или малых нациях действуют во многом еще прежние причины: развиваясь, они экономически и культурно дорастают до уровня, когда уже могут иметь собственные идеологию и государственность. А раз многие народы еще будут дозревать до уровня активного национализма, значит и

³² См. об этом, например: Armstrong J. A. Nations before Nationalism. N. Carolina, 1982. P. 4.

проблемы будут оставаться еще долго. Но это уже затухание тенденции, начавшейся несколько веков назад. Интеграция же и ограничение суверенитета и национализма – новая тенденция, расцвет которой придется на будущее.

Но, помимо традиционных причин, рост национализма сегодня связан и с качественными изменениями обстановки в мире. О таких базисных, как новый уровень развития производительных сил и формирования надгосударственных общностей, уже сказано. Но есть еще и важные условия, прежде отсутствовавшие, которые выполняют роль своего рода катализаторов для подпитывания национального сепаратизма. Рассмотрим последние³³.

В прошлые эпохи международная ситуация и право были совсем иные, чем сейчас. Малые государства и народы не чувствовали себя в безопасности. В любой момент они могли стать жертвой агрессии или местом, где разворачивались кровавые события. **Стало быть, объективных возможностей для самостоятельного существования часто или не было, или они были плохие**³⁴. Не то сейчас. Мировое сообщество и общественное мнение все больше не приемлют войны и особенно агрессии³⁵. Практически все чувствуют себя в безопасности, причем перекалдывают заботу о ней на ведущие страны и мировое сообщество³⁶. А вместе со страхом у значительной части национальностей уходит и тяга к единению, тем более в странах, где нации не сложились в нечто этнически монолитное.

Среди других причин, способствующих национализму, одна из главных заключается в том, что ослабевает репрес-

³³ См. об этом также: Гринин Л. Е. Ук. соч. 1998. № 5. С. 23–30.

³⁴ Например, в истории России немало примеров, когда какие-то этнические государства входили в ее состав добровольно прежде всего потому, что иначе они не могли выжить. Вспомним Грузию, когда ее царь Ираклий II в 1783 году «вручал России свой народ», или знаменитую Переяславскую Раду.

³⁵ К слову сказать, это напрямую связано с уничтожающими возможностями современного оружия, которое есть синтез науки, техники, информатики, образования и прочего.

³⁶ События в Югославии несколько изменили эту уверенность в безопасности, но не коренным, конечно, образом. Но в глобальных процессах всегда бывают приливы и отливы, зигзаги и рывки. С другой стороны, если часть стран решает проблему безопасности, стремясь в военный блок, это объективно способствует процессу уменьшения суверенитета.

сивное воздействие на сепаратистов. И даже и там, где по отношению к ним проводится жесткая политика, она далеко не всегда эффективна из-за общего политического климата в мире.

Бесспорно, нас ждут еще десятилетия, когда эти проблемы будут стоять весьма остро в разных районах и странах. И все же можно однозначно сказать, что **политический национализм и сепаратизм как идеология, как направление развития означают путь в тупик, противоположный генеральной линии развития мира.** Сепаратизм становится все более беспокойным и опасным фактором. Поэтому думаю, что уже в сравнительно недалеком будущем право наций на самоопределение уже не будет рассматриваться как безусловное, появятся эффективные инструменты воздействия на сепаратистов, агрессивный национализм пойдет на убыль.

Уйдут, конечно, не нации и не национальные различия, а уйдет как мощная сила национализм, раскалывающий государства, создающий угрозу безопасности мирового порядка, развязывающий войны. Следовательно, национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы высокой политики и жарких схваток в более спокойную плоскость, примерно так, как это случилось с религией. Естественно, что речь идет о длительном периоде, о неравномерном движении, временами идущем вбок или вспять.

Процесс интеграции государств лишь в начале своего долгого пути и поэтому во многом неясен. Но я и не ставлю целью показать его в деталях. Достаточно будет констатировать, что он должен пройти несколько этапов, среди которых два можно определить в теоретическом плане как базовые: 1) региональная интеграция; 2) мировая интеграция. Первый уже обретает какие-то практические формы, второй скрыт в будущем значительно сильнее.

Хотя во многих отношениях это разные этапы единого процесса, но эти линии могут вступать в коллизии, поскольку ближайшие перспективы порой сильно противоречат отдаленным. Ведь признание прогрессивности объединения мира вовсе не означает, что условия для этого уже сложились. Иногда сиюминутные интересы искажают дальнейшую вполне реальную перспективу. Но иной раз стремление к пока

недостижимым целям ведет к обратным результатам. В этом и мудрость выдающегося политика: уметь думать о будущем, не выходя из пределов возможного³⁷.

Таким образом, **часть суверенитета переходит к мировым организациям, но еще большая часть – к наднациональным, региональным объединениям.**

Последние, конечно, не могут быть столь прочными, как государство, но все же должны быть достаточно крепкими³⁸. Однако если вспомнить, что Европе потребовалось с XVI века минимум триста лет, чтобы утвердились национальные государства, а окончательно этот процесс завершается лишь сегодня, и то не везде, то процесс создания действительно оформившихся, устойчивых, системно и глубоко интегрированных надгосударственных объединений не может быть быстрым и гладким. С учетом же того, что государства «стремятся, как минимум, к сохранению своей структуры и целостности, распространяя при первой же возможности свое влияние и осуществляя экономическую, культурную и т. п. экспансию в отношении других стран, руководствуясь исключительно приоритетом собственных (национальных) интересов»³⁹, неизбежны разнообразные столкновения. Ведь

³⁷ Поэтому, когда Ван дер Вее пишет: «Если же Запад постарается ответить на этот вызов (т. е. индустриализации и торговой экспансии развивающихся стран. *Л. Г.*), заменив национальную протекционистскую политику на протекционизм в мировом масштабе, скрывшись за стенами, воздвигнутыми на границе нескольких крупных континентальных блоков, это представляет не меньшую опасность» (Ван дер Вее Г. Ук. соч. С. 374), он прав, но только частично. Слишком сильные преграды нехороши. Сегодня также проявились негативные стороны и попыток укрыться от всего мира в военном блоке. Однако в любом случае движение к большей интеграции человечества нуждается в определенном промежутке. Поэтому какие-то перегородки в виде границ наднациональных образований еще длительное время будут необходимы. Нужен будет и стимул для желающих войти в эти образования, чтобы выполнить необходимые и жесткие требования. Вопрос в разумной мере ограничений и запретов.

³⁸ Будут ли в будущих наднациональных образованиях рецидивы национализма? Несомненно. Но когда союзы такого типа укрепятся, соотношения между ними и входящими в них государствами примут уже иной смысл, в чем-то подобный соотношению между сложившимися государствами и автономиями. И сами расколы будут восприниматься как исключительное дело. В целом же такие трения и конфликты будут способствовать развитию этих образований путем определенной коррекции или поиска новых вариантов.

³⁹ Чумаков А. Н. О диалектике общечеловеческих приоритетов и национальных интересов // Первый российский философский конгресс. Т. V. С. 291.

еще долго над многими странами будет довлеть мысль, что национальные интересы превыше всего, особенно если пониматься они будут по-позавчерашнему. Кроме того, и общие интересы можно трактовать по-разному.

В результате иногда столкновения могут принимать форму, которая скрывает их историческое содержание. Неизбежны также, противоборства морального плана, когда одни принципы будут мешать другим. При этом часто трудно понять, кто прав, кто виноват, симпатии оказываются на стороне, по сути, реакционной. И последние события в Югославии свидетельствуют об этом. Более же ясное понимание глобальных сегодняшних и завтрашних тенденций поможет уменьшить остроту конфликтов, найти более эффективные инструменты их решения⁴⁰.

Для коренного преодоления указанных коллизий фактически необходимо нечто подобное по результатам мировой политической революции. Конечно, не сама форма революции, а изменения, сравнимые с ней по их глубине в отношении перелома, в результате которого национальные проблемы начнут сначала рассматривать обязательно через призму общих, а затем уже и в контексте общих (региональных и мировых).

Итак, интеграция мира, идущая в огромной степени за счет изменений в производительных силах, как и любой самый сложный процесс совершается (и будет совершаться) часто во внешне противоречивых формах и направлениях. Однако на самом деле эти противоречия составляют единство. Мы видели, например, что глобальное объединение сочетается с развалом некоторых стран и усилением сепаратизма в других; что на фоне роста национализма идет существенное сокращение суверенитета. Из многих аналогичных по противоречивости моментов укажем еще на один: **вместе с триумфом демократии в мире все сильнее обнаруживается и ее кризис, так как она характерна для расцвета суверенности, а потому становится уже недостаточно**

⁴⁰ То, что мировой порядок превращается, по выражению Генри Киссинджера, в беспорядок, только показывает слабое осознание политиками сложных процессов, и устарелость, а значит, непримлемость многих идей, из которых они исходят.

адекватной новым наднациональным группировкам.

Демократия – очень древняя форма правления, но ее широкое распространение пришлось на период индустриализма и роста национализма. В настоящий момент она представляется едва ли не атрибутом развитого государства. Но она достаточно эгоистична. Интересы нации превыше всего. Суверенитет народа во многом заключается в том, чтобы принимать во внимание интересы и права других стран, особенно если они противоречат собственным, только когда это заставляет делать жесткая необходимость или выгода.

Признаки кризиса демократии отмечаются уже достаточно давно⁴¹. Дав право голоса всем, омоложив избирателей, а затем позволив с помощью электронных средств войти политикам в каждый дом, она достигла своего пика. Недостаточно твердая и устойчивая классово-социальная база партий, сильные колебания общественного мнения, роль СМИ, кризис современного права⁴² и многое другое заставляют демократических лидеров постоянно оглядываться на избирателя. Это делает их власть в плане предпочтения долгосрочных интересов краткосрочным слабой, как как довлеют сиюминутная надобность и голый прагматизм.

И этот вечный недостаток демократии в условиях интеграции мира может стать особенно серьезной проблемой. Ведь долгосрочные общечеловеческие интересы могут требовать больших жертв от нации, а принимать решения тем, кому эти жертвы нести. Поэтому при усилении процессов передачи суверенитета для ряда стран, в том числе и для таких мощных, как США, вероятны большие трудности. Они могут оказаться заложниками узко понимаемых интересов нации, демократических и правовых процедур. Устойчивость их конституции способна стать препятствием для более легкой трансформации в новый мировой порядок.

Рассуждая о парадоксах современной демократии, некоторые социологи говорят об «иронии демократии», когда,

⁴¹ Я имею в виду именно классическую демократию в странах, где она существует давно и вписалась в государственно-национальную жизнь как атрибут, а не разложение и различные болезни молодой демократии в развивающихся и новых демократических странах.

⁴² См. об этом подробнее: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 53-54.

чтобы власть народа сохранилась, нужно, чтобы элита правила мудро, нужны многочисленные политические институты и партии, иначе апатия может погубить дело, поскольку, по мнению некоторых, даже в США массы «удивительно мало привержены демократическим ценностям. Но, к счастью для этих ценностей и для американской демократии, массы не руководят, они лишь следуют за элитой»⁴³. А поскольку, согласно Э. Форстхоффу, «по мере усложнения функций государства демократический контроль над их выполнением становится все более проблематичным»⁴⁴, постольку власть групп давления усиливается.

Поэтому попытки представить демократию как вечно прогрессивную форму правления несостоятельны, равно как и стремление видеть в ней в сути своей неизменный институт. Глобальные перемены в производстве, информатике и других областях жизни не могут оставить без очень серьезных перемен и политическую сферу. Мне кажется, здесь налицо одно из острых проявлений **важнейшего противоречия современности между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом, между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью**. И это глобальное противоречие уже сегодня весьма заметно, а завтра будет угадываться едва ли не в каждом аспекте жизни⁴⁵.

Итак, как справедливо замечал американский социолог Б. Беквит, «необходимо обсудить тему, которую всецело отвергают, а именно - неизбежную стадию политической эволюции, которая последует за демократической формой правления»⁴⁶.

Какая же форма за ней последует? Тут много мнений. Одно из распространенных (и сам Беквит его придерживается) есть некий вариант теории меритократии: это будет своего рода корпоративная демократия экспертов, избираемых организациями самих экспертов.

⁴³ Цит.: История политических и правовых учений. М., 1981. С. 639.

⁴⁴ Цит.: Современная буржуазная политическая наука. М., 1982. С. 309.

⁴⁵ В будущем оно в ряде стран может стать особенно непримиримо в плане сохранения окружающей среды, как сегодня в правах человека.

⁴⁶ Цит.: Современная буржуазная политическая наука. С. 109.

Таким образом, эти ученые полагают, что вслед за усилением своей власти в экономической области и области планирования эксперты начнут постепенно прибирать к рукам и политическую власть, причем, возможно, не просто как советники, а, так сказать, институционально, по праву знающего. И разделение властей усилилось бы властью профессиональных знаний. Но хотя конституционные органы в виде советов экспертов, без которых (или против воли которых) не смогут быть приняты многие законы, были бы даже желательны, все же в ближайшие десятилетия они, вероятно, не появятся в столь оформленном виде⁴⁷.

Однако вопрос о будущих формах правления не входит в тему данного исследования. Достаточно указать, что национальная демократия должна будет разделить полномочия с наднациональными структурами. Как именно, во многом будет зависеть от того, насколько укоренилась демократия в тех или иных регионах, от массы самых разных факторов. Разумеется, демократия - форма достаточно гибкая и может быть надстроена, как это сделано в европарламенте. И полномочия будут постепенно перетекать от национальных представительных органов к наднациональным. Но вполне вероятно, что прямая форма демократии постепенно заменится на какой-то аналог не прямой, связанной с делегированием представителей и экспертов, ступенчатыми выборами, различными квотами, образованием наднациональной политической элиты и т. п.

Таким образом, самое главное - подчеркнуть, что в связи с мощными тенденциями национальная демократическая власть каким-то образом должна интегрироваться, вписаться, во многих моментах просто подчиниться власти более крупных объединений. А вопрос о такого рода перераспределении полномочий - это **именно вопрос ограничения и нового оформления суверенитета**. И этот процесс неизбежно связан с ограничением всевластия демократии при сохранении многих укоренившихся и оправдавших себя ее

⁴⁷ Конституции демократических государств слишком устоялись, и изменить их будет нелегко. Такие органы скорее возможны как межгосударственные или надгосударственные.

институтов⁴⁸, подобно тому как было ограничено всевластие частной собственности.

Размышляя над процессами интеграции, неизбежно задаешься вопросом: каким образом, учитывая ускорение темпов развития, а следовательно, ограниченность времени для решения проблем, удастся хоть как-то примирить разнообразные интересы соген государств, имеющих не просто разную культуру, но очень большой разрыв в уровне развития? Неизбежно приходится признать, *что в этом процессе будут ведущие и ведомые.*

Как быть, например, с отсталыми странами, население и даже элита которых не в состоянии понять общемировых проблем? По мнению Э. Ласло, движение к мировой солидарности требует внутри государств (обществ) носителя «глобального ответственного сознания» в виде определенных элит или слоев. А если такой носитель в какой-либо стране отсутствует (а таковых, добавлю, большинство), потребность в мировой солидарности может быть вызвана «извне», из других стран. С этим в общем виде можно согласиться. Значит, различное воздействие неизбежно. Но каким бы мягким ни было влияние извне, оно так или иначе сказывается на ограничении суверенитета. Ведь в этом случае политика нации должна всегда учитывать цели более широкой системы и подстраиваться под них.

Каковы могут быть и в каких направлениях воздействия? Самые разнообразные. Скажем, было бы очень желательно создать систему мировых и региональных бюджетов, фондов и банков (каких-то далеких аналогов МВФ и МБРР), а также специализированных международных организаций с высоким статусом, которые бы оказывали определенную материальную, техническую, специальную и прочую помощь слабо развитым странам в деле восстановления экологического равновесия, отказа от наиболее варварских методов природопользования, воспитания в соответствующем духе населе-

⁴⁸ При этом на местах, то есть в национальных государствах, демократия может не трансформироваться радикально (хотя в этом процессе будут пробоваться разные модели, некоторые из которых могут востребоваться в дальнейшем). В будущем, когда упрочатся наднациональные формы, они начнут изменять и местные.

ния. И одновременно давили бы на тех, кто не хочет этого делать, подобно тому как принуждают в проведении экономических реформ.

Нечто аналогичное могло бы быть и в плане регулирования численности населения. Когда во время великой депрессии фермерам стали предлагать за определенную компенсацию сокращать посевы и поголовье, это было новым словом. Завтра многие страны могут начать за вознаграждение выполнять необходимые действия по регулированию рождаемости. На другие придется воздействовать иначе. Бойкотом, судебными исками, штрафами, санкциями и т. д.

Кроме того, раньше или позже, но решение глобальных проблем натолкнется на необходимость квотировать темпы экономического роста, сначала, очевидно, в отдельных секторах. Ведь изнурительное и неконтролируемое экономическое соревнование между странами не может продолжаться бесконечно и должно войти в какие-то разумные рамки, хотя бы потому, что эта проблема напрямую связана с истощением и загрязнением природы и контролем за потреблением общемировых ресурсов. Все это создало бы определенную общность интересов развитых и развивающихся стран в том смысле, что так или иначе, но первым пришлось бы способствовать более быстрому развитию вторых либо перемещая туда часть производства, либо выкупая часть квот, либо вступая с ними в какие-то союзы, чтобы поделить квоты, и т. п. И это привело бы к некоторому выравниванию уровней развития.

Вероятно, возникла бы потребность формировать именно экологически безопасные или даже природовосстановительные отрасли как более свободные от ограничений⁴⁹. И данная тенденция неизбежно стала бы распространяться от передовых к отсталым регионам.

Быстрое развитие производительных сил и науки, обострение глобальных проблем и многое другое все сильнее

⁴⁹ Разумеется, перемены в экономике будущего сформируют не одно новое направление, а целый ряд их, например, резко увеличит свое значение область деятельности, связанная с развитием (адаптацией, социализацией) человеческих индивидов. Но данные проблемы выходят за рамки настоящего исследования.

ставят вопрос о новых сознании и этике. Достаточно ясно это выразил уже Вернадский, писавший, что человек как житель планеты может и должен мыслить и действовать по-новому не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но в планетарном аспекте. Сегодня вместе с теоретиками Римского клуба все больше людей считает, что общечеловеческие ценности и правила должны составлять основу отношений между странами и определять решения, принимаемые лидерами.

Формирование планетарных морали и мышления, однако, очень трудный и долгий процесс, даже контуры которого пока не ясны. Но можно сказать, что новые мышление и этика надгосударственного регионального уровня обозначаются уже более ясно. Ведь то, что казалось фантастикой и утопией накануне или во время первой мировой войны - Соединенные Штаты Европы, - ныне становится практической реальностью. И в сознании европейцев европейская составляющая их мироощущения становится все более и более важной. Можно предположить, что она станет со временем нерасторжимой (или даже более значимой) с их национальной составляющей. Мировая составляющая их (и других наций) сознания пока еще слаба, но и она растет.

Идеи о новом порядке и этике у большинства наций, однако, совершенно недостаточно увязываются с признанием необходимости уменьшения суверенитета, поиска наиболее эффективных, привлекательных и удачных форм наднациональных организации и взаимодействия. В этом плане пока лидеры европейцы, которые шаг за шагом, с трудностями и откатами, но формируют новую общность. Соединенные Штаты Америки, Япония, Канада, Австралия, как мне кажется, здесь существенно отстают. Если Россия преодолет нынешний кризис, то она вполне может найти свое место в этом процессе интеграции и внести важную лепту в новое мировое сознание. Ведь благодаря своему удачному географическому положению она является естественным мостом между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (особенно Дальним Востоком и Северной Америкой) и имеет культурно-исторические возможности быть такого рода связкой.

Для успешной выработки нового мирового сознания

необходимы не только длительное время и ряд благоприятных обстоятельств. Крайне желательно также появление чего-то вроде общей идеологии (или какого-то общепринятого, уважаемого и интересного важного места в сознании элит и народов комплекса представлений), охватывающей по крайней мере большинство культурных народов⁵⁰.

Ведь признание, что процессы ослабления национального суверенитета нарастают, совсем не значит признания положительности каждого изменения. Напротив, крутой перелом всегда несет в себе массу негатива, в том числе в моральном и идейном плане. Потеря таких качеств, как патриотизм и ему подобные, не очень хороша, тем более, если это происходит быстро, резко, без переходной и длительной трансформации, если им на смену не идет что-то нравственно достойное⁵¹. Поскольку же идеология - важнейшая опора национализма, то есть надежда, что, когда появится нечто, способное заменить патриотизм, национализм займет свое нормальное место в жизни людей, не мешая их интеграции.

В заключение хочу высказать несколько мыслей, важных в аспекте темы статьи, связав их с недавними (весна-лето 1999) событиями в Югославии⁵². К слову сказать, многие политики, публицисты и ученые именно в связи с ними стали осознавать, что бывший порядок меняется, перемены же несут и много негатива, поэтому желательно эти процессы лучше контролировать.

События в Югославии можно рассматривать как важный

⁵⁰ Подробнее см.: Гринин Л. Е. Ук. соч. 1998. № 5. С. 4147.

⁵¹ Новые эпохи не всегда несут во всех смыслах и более высокую мораль. И часто отброшенные качества в этом плане выглядят более привлекательно, чем приобретенные. Например, рыцарство и дворянское благородство могли выигрывать перед духом наживы и бережливой скупостью. Освобождение ума от пут клерикализма и религиозного фанатизма вело к нравственной разнузданности и идее, что все дозволено. Сегодня в России идеалы служения обществу резко заменяются эгоистичными представлениями о том, что наидостойнейшая цель - служить самому себе, игнорируя интересы общества, и т. п.

⁵² Настоящая статья была задумана достаточно давно, и писать ее я начал задолго до бомбежек Югославии. Однако хотя эти драматические события и не повлияли на основную концепцию, а в ряде отношений только подтвердили ее, все же они - как и должно быть - многое для меня осветили по-новому. Поэтому структура статьи существенно изменилась.

(может быть, в чем-то поворотный) пункт⁵³, от которого становятся виднее необходимость поиска нового мирового порядка и некоторые условия этого порядка. Естественно, что такой поиск не может не быть достаточно долгим и трудным. И, к слову сказать, в течение этой эпохи проблема «конца истории», о которой беспокоился Фукиама, будет явно неактуальной.

Период, когда западные страны в основном прекратили оказывать силовое воздействие на неугодные им режимы (к тому же такие воздействия происходили в условиях биполярного мира и борьбы с коммунизмом), начался с 70-х годов после Вьетнама. С середины 80-х пошла разрядка, прекратился ряд локальных конфликтов, и ощущение, что наступает эпоха полной гарантии безопасности для любой страны, стало очень сильным. Оно усилилось наказанием Ирака, которое было воспринято именно как реакция всего человечества на агрессию. Если еще учесть, что в Европе с 1968 года не было интервенций, станет понятно, почему методичные бомбежки и разрушение Сербии произвели очень сильное впечатление. Оно усилилось и тем, что Запад, по сути, игнорировал мировое мнение и интересы других стран и пренебрег уже опробованным международным правовым механизмом проведения силовых акций. Почему был избран такой жесткий сценарий? В аспекте нашей темы можно отметить такие причины (остальных я не касаюсь).

Бесспорно, почетное место среди них занимает национализм. Причем, помимо местного сербского и албанского, вмешались еще и американский, а также и некоторых европейских держав, особенно британский, тоскующий и по былому могуществу (россиянам это очень понятно). Сказался также искус простых силовых решений, «маленькой победоносной войны».

Нарушение прежнего баланса сил также не могло пройти бесследно. А система однополярного мира при господстве еще старого национального (национально-гегемонистского)

⁵³ И это не только мое мнение. Например, Е. Примаков считает, что они стали «отправной точкой», которая определит возможность развития международной обстановки в первой четверти XXI века. (См. Тезисы его доклада в Ин-терлакене // Коммерсантъ. № 101. 15 июня 1999 г. С. 2.)

мышления дает сбой. Ведь если советская военная машина сломалась (по крайней мере вышла из игры), то американская осталась столь же могучей. А система ВПК слишком мощная, чтобы оставаться без дела. Возникает потребность найти новые направления применения силы. Следовательно, идет поиск врага, которого при желании быть лидером всего мира отыскать нетрудно⁵⁴.

В упорстве «наказать» Милошевича и форсировании военного решения проглядывается, на мой взгляд, одно из проявлений кризиса демократии. Ведь богатство страны и относительный порядок внутри нее вовсе не гарантируют от ошибок, от неумных лидеров, если политическая система начинает давать сбой⁵⁵.

Дж. Неру, ссылаясь еще на Геродота, по этому поводу писал: «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха - высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, - падение»⁵⁶. Но западные демократии, хотя и часто совершали ошибки, однако всегда обладали важнейшим свойством - делать выводы из этих ошибок и стараться не повторять их. Будем надеяться, что и в недалеком будущем это качество не подведет их.

Таким образом, с одной стороны, Запад больше, чем кто бы то ни было, имеет право указывать на нарушения и воздействовать на нарушителей общепринятых норм, тем более, что он не ищет здесь прямых выгод (не считая политических очков). Да и западное общественное мнение скорее любого другого схватит за руку зарвавшихся политиков или военных. С учетом изложенного в статье, очевидно, что Милошевич представлял день вчерашний, а Запад (даже при всех ошибках и издержках своей акции, тяжком вреде для Сербии и прочем) не просто сегодняшний, в чем-то и завтрашний.

⁵⁴ Этому помогает и стремление добить старого политического противника по принципу: «Карфаген должен быть разрушен!».

⁵⁵ Примеров этому в истории множество. Блестящий елизаветинский век в Англии сменился в XVII столетии длительным политическим, социальным и религиозным кризисом. Гедонизм эпохи Людовика XV завершился революцией. Мощный подъем Германии в конце XIX – начале XX века привел к поражению в войне и краху империи. Нации-победители в первой мировой войне перед второй проявили удивительную слабость, вялость и близорукость.

⁵⁶ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: В 3 т. М., 1977. Т. 1. С. 90.

Но с другой стороны, военное вмешательство не бесспорно в юридическом плане. Когда кто-то нарушает определенные нормы мирового права (пусть и с лучшими побуждениями), это открывает путь к эскалации нарушений, дает оправдание для них, и тем самым порядок рушится. Кроме того, важно не только наказать националистов-притеснителей, но и не дать при этом малым националистам дополнительной уверенности, будто их непременно поддержат. Значит, проблема заключалась не просто в том, чтобы заставить Югославию подчиниться и уважать международные нормы, но и в том, чтобы показать странам-нарушителям, что противостоять мировому сообществу глупо. Однако именно мировому сообществу, а не одному военному блоку.

Теперь сформулирую несколько тезисов.

1. Хотя ситуация безопасности любой страны не подверглась коренному изменению, однако повод для беспокойства теперь имеется. Поэтому в случае повторения подобных акций не исключен некоторый зигзаг в процессе интеграции мира, который может перерасти в фазу похолодания или даже обострения отношений между странами или группами стран, а значит, дополнительного вооружения⁵⁷. А это не самый лучший путь. Но его вероятность приходится принимать во внимание, если субъекты политики упорно не будут учитывать возможных последствий своих действий. Шаг за шагом, незаметно можно загнать всех в тупик. Так, длительный мир в Европе в начале XX века сменился войной, которой можно было, конечно, избежать, но которой, к несчастью, избежать не удалось во многом из-за безответственности лидеров.

⁵⁷ «...Каждая страна начала примеривать на себя югославский сценарий, то есть перспективу стать жертвой нападения без очевидной причины со стороны группы наиболее могущественных в военном отношении государств. Предохранить себя или хотя бы снизить вероятность такой агрессии можно, только обладая оружием массового поражения и средствами его доставки...», – пишет один политический обозреватель и делает малоутешительный вывод, что «выстраданному всем человечеством режиму нераспространения грозит скорый и бесславный конец – оружие массового поражения расплзется по всей планете» (Никонов В. После Югославии // Известия. 20 апреля 1999 г.). Конечно, режим нераспространения оружия массового поражения не сломается в результате югославских событий, но трещина, которую он дал еще ранее них (ядерные испытания Индии и Пакистана), может заметно увеличиться.

2. Новый мировой порядок неизбежен. Вопрос, каков он будет и какой ценой утвердится. Ведь острота борьбы, конфликтов и положительность их результатов будут связаны между собой обратно пропорционально. Поэтому желательно, чтобы в этом порядке сочетались моменты общемировой воли и западного лидерства. Но это естественное лидерство самых развитых сегодня стран не должно основываться только на высокомерии и грубой силе. Иначе оно будет восприниматься как возрождение империализма, колониализма, пренебрежение интересами других цивилизаций, культур, рас и т. п. Ведь как бы далеко Запад ни вырвался вперед, одно только превосходство не создаст новый порядок, который требует от стран большой доли добровольности. Не решит дело и только перенос хотя и передовых, но все же специфических институтов Запада (тем более США) на весь мир. Совокупность движущих сил будет намного сложнее. Нужно органическое сочетание примера, кнута, пряника, правовых механизмов и поиска компромиссов между различными силами, традициями и целями.

Следовательно, Западу необходимо привлекать и другие крупные страны, особенно Россию, Китай, максимально соблюдать коллегиальность, получать санкции от международных организаций. Тогда ситуация будет восприниматься более спокойно, а привлеченные страны станут глубже интегрироваться в общие процессы. Менее острой станет и конкуренция в вопросе, кто и какую роль будет играть в новом мироустройстве.

3. Необходимость уживаться должна вести к ограничению эгоизма. Особенно опасен сегодня (завтра может быть по-другому) эгоизм малых этносов. И поэтому, хотя националистические движения в последнее время нередко поддерживаются Западом, но новый мировой порядок непременно должен быть увязан с решением проблемы локального национализма. *Безграничность как суверенитета, так и права наций на самоопределение должна быть разумно и жестко уменьшена.* Необходим правильный баланс между некоторыми вроде бы ясными принципами и реалиями.

4. Упорно игнорирующих мировые правила, требования и интересы окажется явное меньшинство. Надо думать, что сложившаяся система эффективных инструментов стимули-

рования и воздействия, боязнь отстать будут все сильнее вербовать сторонников мирового порядка. Однако, без сомнения, для некоторых стран решающим побудительным мотивом учета общих интересов станет именно вероятность жесткого давления, вплоть иногда до военного. Но желательно выработать такие правовые механизмы этого давления, которые бы не раскалывали мир и были более результативны.

5. Новый мировой порядок в любом случае приведет к изменению и ограничению национального суверенитета. А поскольку последнее происходит в огромной мере именно за счет объединения в блоки, то, возможно, процесс интеграции в них будет усиливаться. Отсюда роль примера передовых стран возрастает, ибо отсталые будут ориентироваться на их модели региональной интеграции.

6. В этой связи надо добавить, что хотя образование и противостояние блоков будут сильно связаны с их цивилизационной основой, но это не станет столкновением именно цивилизаций. События в Югославии, где христиане воюют с христианами и поддерживают мусульман, это доказывают.

7. Ослабление ООН, конечно, не случайно. Уже потому, что среди великих держав не представлены Германия, Япония, Италия, а фактический статус «великой державы» не соответствует юридическому. Созданная и оформившаяся в эпоху мощного СССР и холодной войны, ООН позволяла как-то сглаживать это противостояние и быть ареной встреч и переговоров. Крушение Советского Союза повлияло и на эту организацию. Роковым ли образом? Сумеет ли она достаточно радикально трансформироваться? Сомнительно. Особенно если США будут третировать ООН. Однако это был бы не лучший сценарий. Ведь ведущим странам будет необходим мировой мандат, хотя бы как прикрытие, и самое правильное - сохранить престиж этой организации, по крайней мере на период, пока не обнаружатся контуры будущей, более точно учитывающей и баланс сил, и реалии современности.

Таким образом, тенденции трансформации национального суверенитета в югославских событиях проявились достаточно ярко. Однако глубина перемен в этом плане еще не осознается лидерами не только отсталых, но и передовых стран. Это очень типично для исторического процесса. Воз-

никает ситуация, так сказать, делания лишнего круга: хотя уже сейчас ясны некоторые вещи, но очевидные решения и направления действий оказываются незамеченными или непринятыми, так как они недостаточно широко поняты, нет сил, способных осуществить их, сиюминутные интересы довлеют над долгосрочными и т. п. И делается один, другой, третий круг, пока проблемы не станут горячими, трудными, но зато очевидными. Если не слишком поздно, то отыскиваются и практические пути их решения.

В случае же опоздания действует вариант разрушительного прогресса, хотя еще в целом и идущего в правильном русле, но гораздо более тяжелого. Много приходится ломать. А если вступают в действие силы, недостаточно контролируемые, начинается, употребляя выражение Й. Шумпетера, «творческое разрушение». Это приводит к очень резким переменам, когда цена адаптации - целые поколения. А поскольку в отношении природы такой адаптации может и не быть, опасность опоздать тем более велика.

Так или иначе, но мир находится в состоянии трудных перемен. Это сильно влияет на поведение многих, косвенно всех, и такое влияние будет усиливаться. «Дело обстоит таким образом, как если бы в нашу жизнь вторглась какая-то сила и вдруг объявила, что отныне каждый должен научиться кататься на лыжах на одной ноге и при этом мыслить на эсперанто. Нам всем предстоит много учиться и адаптироваться»⁵⁸. И этим образным сравнением Тоффлера я и хочу закончить статью.

⁵⁸ Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. С. 286.

В этом году исполняется 80 лет выдающемуся отечественному философу профессору Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, постоянному автору нашего журнала Василию Васильевичу Соколову. Ниже мы публикуем интервью и статью юбиляра.

Ред.: *Василий Васильевич, редакция журнала «Философия и общество» поздравляет Вас с замечательной датой, желает Вам долгих лет жизни и больших творческих успехов. Скажите, пожалуйста, как Вы пришли в философию?*

Проф. В. В. Соколов: Когда я в 1936 году поступал на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ) приема на философский факультет (как и в 1937 г.) не было. Но я сознательно избрал тогда историю, которую очень любил и неплохо знал. Философия же мне представлялась смутным и неопределенным предметом. На истфаке МИФЛИ я с увлечением изучал русскую и средневековую историю и избрал последнюю на третьем курсе в качестве своей специализации. Однако к этому времени я осознал неодолимую тягу к общетеоретическим вопросам - и не только истории. В 1939 году, закончив 3 курса исторического факультета, я перешел на философский (в 1938 году снова был прием на него). Свой выбор считаю правильным. Историю философии давно считаю основным, профилирующим предметом философского образования, философии вообще (хотя в довоенные годы, как и во многом в послевоенные, ее изучение было схематизировано и догматизировано). Идеальный опыт 2,5-тысячелетнего развития философии - лучшее введение во все вопросы. Мою склонность к максимально широкому и *обоснованному* обобщениям истории философии - а я признаю только ее классическую разновидность - удовлетворяет в наибольшей мере. При всем своем критическом отношении к Энгельсу считаю бесспорным его известное положение о том, что история философии - лучшая школа теоретического мышления. Конечно, и историк философии должен иметь хотя бы минимальные представления об особо важных разделах естественных и общественных наук (для меня это, прежде всего, конкретная антропология и проблемы цивилизации).

Ред.: *Как бы Вы могли охарактеризовать ситуацию в современной философии?*

Проф. В. В. Соколов: О мировой философии судить не берусь - слишком много в ней противоречивых тенденций. Что касается российской философии, то она в последнее десятилетие переживает, по-видимому, «перестройку». Старшее поколение (многие его представители) стремится уйти от диалектического и исторического материализма. Но не все, по-видимому, определились, куда двигаться, что изучать. Однако немало и таких, кто считает, что диалат - самая надежная мировоззренческая база. Более же молодое поколение, полагаю, все больше размышляет в духе «философского плюрализма» (в особенности сужу по историко-философским диссертациям и дипломным работам). Изучение истории философии, возможно, оказывает наиболее стимулирующее воздействие в этом направлении. Сам я в течение ряда десятилетий вносил свою лепту в издание классиков философии прошлого и всегда выступал за максимализацию роли истории философии как в научных исследованиях, так и в философском образовании. Слабое знание истории философии (как и отсутствие аналитического ума) порождает невинную и схоластику, которых, увы, предостаточно в нашей философской литературе.

Ред.: *Утратила ли философия свои мировоззренческие функции?*

Проф. В. В. Соколов: Для меня философия есть: 1) совокунисть субъект-объектных отношений; 2) система верознания; 3) максимально рационализированное мировоззрение в данную эпоху. Мировоззрение может и не достигнуть наибольшей системности философии, оставаясь на авторитарно-идеологическом уровне, но философия всегда остается мировоззрением - элитарно-личностным.

Ред.: *Ваше отношение к постмодернизму и к отрицанию диалектики?*

Проф. В. В. Соколов: Для меня постмодернизм - мелкотравчатое философствование (псевдоидейные манипуляции над текстами). Это творчество ассоцианистических умов с сильной тенденцией к иррационализму (критика «логоцентризма») и одновременно к схоластике в ее надисторической форме. Ухмылки его сторонников над «школьной философией» рождаются невежеством, прежде всего в знании ее истории. Диалектику я понимаю в ее платоновско-аристотелевском смысле, который с некоторыми вариантами прошел через всю историю философии вплоть до современности (в «буржуазной» философии). Другое дело гегелевская сугубо онтологизированная **диалектика**, подхваченная Энгельсом (у Маркса словосочетание «материалистическая диалектика» встречается лишь однажды в достаточно случайном контексте). Никакого ее «переворачивания с головы на ноги», которое утверждалось Энгельсом и Лениным и было подхвачено тысячами популяризаторов, невозможно. Онтологизация логического закона противоречия - абсурдная точка гегелевского понимания. Энгельс, в сущности, далеко отошел от Гегеля, переориентировав «всеобщие законы природы и общества» на достижения естественных и общественных наук (в частности открытие Моргана), чего Гегель не знал и не признавал (телеологическое развитие осуществляется лишь в сфере духа, движение же в природе - лишь его бледное «отчуждение»). Тем не менее Энгельс упорно держался веры своей юности - гегелевской доктрины объективности противоречий и других «законов диалектики». У множества же популяризаторов гегелевско-энгельсовской диалектики она стала «что дышло». Совсем недавно на одной из секций Ломоносовских чтений на факультете один из наших весьма квалифицированных профессоров выступил с сообщением «Системная диалектика как новый этап в развитии материалистической диалектики и ее преимущества над полярной диалектикой противоположностей». Но, во-первых, диалектика в качестве метода в указанном стародавнем смысле не может быть ни материалистической, ни идеалистической, она всегда орудие мысли. Во-вторых, в качестве таковой она имеет смысл лишь в контексте выявления противоположностей (в сочетании с другими логическими законами), а «системная диалектика» - одно из важных проявлений современного рационализма, и слово «диалектика» здесь ни к чему. *(Справедливости ради отметим, что редакция не согласна с такой интерпретацией воззрений Гегеля и Энгельса, вообще диалектики.)*

Ред.: *Гегель писал, что философия есть время, постигнутое в мысли. Можно ли сказать, что современная философия есть отражение нашей эпохи?*

Проф. В. В. Соколов: Формула Гегеля элементарна, хотя и расплывчата. Эпоха (время) всегда многоаспектна и чем ближе к нам, тем больше выражающих ее идей и концепций. Даже постмодернизм отражает какую-то смуту в сознании современного человека.

Ред.: *Ваше отношение к критике рационализма?*

Проф. В. В. Соколов: Критика рационализма, по моему убеждению, бессмысленна. Другое дело, что рационализм, оставаясь орудием науки и философии, усложнил свои методы. Хотя для меня философия - верознание, но компонент знания для философии важнее компонента веры, который «суживается» по

мере успехов знания (но, разумеется, никогда не исчезнет. Успехи познания рождают новые проблемы). Вера и знание - важнейшие гносеологические противоположности, проходящие в той или иной форме через всю историю философии.

Ред.: *Ваши пожелания журналу «Философия и общество»?*

Проф. В. В. Соколов: Журнал «Философия и общество» за три года своего существования завоевал определенный авторитет читательской общественности. Однако, по моему впечатлению, ему присущ сильный крен в сторону социальной философии. Хотелось бы видеть на страницах журнала побольше историко-философских и методологических статей. Весьма желательно увеличить и число критических рецензий на претенциозные и нередко идейно пустые издания, которых много расплодилось в последние годы. Так, едва ли не потерян счет различным учебникам по философии, весьма часто тиражирующим невнятицу и снижающим авторитет философии.